

Рассказ - 1995, - 19-25 апр. - с. 12

настоящее

Молитвы по Владимиру Максиму

Ушел из жизни Владимир Максимов. В одну из прошедших суббот в Москве состоялась по нему панихида. Как бы невидимое путешествие живых с душой усопшего к тайным далям. В христианстве каждый из ушедших подобен сыну, который совершает свое последнее путешествие в тридевятое царство. Отпевали русского писателя Владимира Максимова в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. До службы светило солнце, после скорбной молитвы пошел снег. Внезапный на весеннем небе. Как будто природа услышала скорбные моления и ответила скорбью.

На панихиде присутствовали Игорь Виноградов, Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Наум Коржавин, Сергей Залыгин, Георгий Бакланов. Для них Максимов был и другом, и приятелем, и коллегой-писателем. Для миллионов других людей Максимов - основатель и автор журнала «Континент».

«Континент» - диссидентская ласточка в тысячу бумажных крылышек. Ее весенняя миграция на родину, в теплые края, всегда заканчивалась Сибирью. Потому что ее боялись. Весомее «Континента», значительнее этого журнала западная эмиграция ничего не создала. Это был материк, на котором жили все инакомыслящие по отношению к красному цвету.

Сначала «Континент» имел такой формат, чтобы его было удобно прятать в карман при перевозке через границу. Величина чуть больше сердца. За его биение давали срок от пяти и выше. Потом - трансплантация: «Континент» переехал в Россию. Тогда, когда туда стало возможно безбоязненно приезжать авторам самого журнала.

Формат «Континента» увеличился. Его нужно было сделать заметным. Главным редактором журнала и преемником Максимова стал Игорь Виноградов. И жизнь вроде бы наладилась снова. Максимов опубликовал у себя на родине свои романы, в том числе знаменитый «Семь дней творения», переведенный на многие языки. Он мог вернуть и все остальное. Но так этого и не сделал. Не принял никакого гражданства. Ни Франции, где жил, ни России, куда возвращался и говорил то, что видел и что не совпадало с остротой зрения других. За что его и не любили.

На панихиде по Владимиру Максиму настоятель храма отец Георгий Кочетков произнес слова: «Вечная память». Слова из молитвы. Каждый уходящий от нас попадает в такие дали, которые можно сыскать только на звездном небе. Это можно понимать и в том смысле, что дорогие для нас люди - становятся звездами, которые присутствуют с нами всегда.

Храм, где проходила служба, был похож на древние катакомбы, в которых собирались первые христиане. Это из-за реставрации. И невольно каждый, о ком молятся в таком месте, воспринимается мучеником.

Его отпевали в храме. Это символично. Не только по факту веры его как человека. Он был крупнейший из по-настоящему религиозных современных русских писателей. Религиозный в смысле экзистенциальном.

Для Владимира Максимова не существовало понятия локальной свободы. То есть не было для него на Земле такого места, где бы он чувствовал себя свободным. И не было для него такой ниши, в которой он бы чувствовал себя неугнетенным. Его правдой было противостояние.

Эта статья, написанная Игорем Виноградовым, посвященная творчеству Владимира Максимова, готовилась к печати в период, совпавший с последней стадией болезни Владимира Максимова. Но тогда об этом ничего известно не было. Хотя невольно она стала как бы завершающей наши знания о Владимире Максимове - нашем современнике. Остальное - дело историков литературы будущего. Это, пожалуй, самая точная в современной критике статья о сути литературного дара Максимова, как человека изначально, по самому своему дару отвергающего любые утопии ради настоящей и будущей благодати. Или правды. Предлагаем вашему вниманию фрагмент этого большого эссе, полный текст которого будет опубликован в последнем - 83-м номере журнала «Континент».

Между отчаянием и упованием

Игорь Виноградов, главный редактор журнала «Континент».

Пушкин сказал когда-то: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»... И это - Пушкин, которому - при всей трагичности его судьбы - не выпало изведать, увидеть в других и обнаружить в себе и сотой доли того, через что пришлось пройти его соплеменникам в XX веке!...

Вспомним, как герой одной из ранних повестей Максимова молодой журналист Виктор Суханов пишет своему старшему другу:

«А люди!.. Язык не поворачивается сказать о таких: «Борются за существование». Они не борются, они просто-напросто копшатся в собственной грязи, посылито оттирая ближнего своего от корыта бытия. Семейное сожительство называется у них любовью, житейская изворотливость - мудростью, павианье чванство - гордостью...»

И это ведь у Максимова еще только самый первый, самый легкий набросок тех подвигов, на которые способно существо по имени «человек» и о которых своими разнообразными картинками, списанными с живой природы, щедро расскажет нам позднее проза Максимова...

Страшные страницы - страшные именно реальностью выплеснутого в них чувства - реальностью и понятностью! Той понятностью, которую так хорошо понимаешь и знаменитое «Расстрелять!» Алеши Карамзина. Здесь поистине вест мрачным духом Великого Инквизитора, своим презрением к человечеству, к этому ничтожному роду бесильных бунтовщиков, так страшно обнаружившего мучительные мысли и чувства, терзавшие и самого Достоевского. И так же, как у Достоевского, лишь вера и надежда на бесконечное милосердие Божие только и

способны еще как-то уравновесить это жуткое знание о человеке, доводящее до подлинного отчаяния...

«Россия вдруг представилась мне... огромной опытной клеткой, в которой некой целенаправленной волей проводится сейчас чудовищный по своему замыслу эксперимент... И если Сатана задумал вступить, наконец, в последнее единоборство с Богом, он не мог найти в мире место более для этого подходящее...»

Но когда мир представляется уже в такой стадии своего развития, что остается только звать - «Боже праведный, Господи, зачем ты оставил нас?»; когда не приходится сомневаться, что грядет цивилизация Дьявола, которая в конце концов истребит весь род человеческий до последнего, - что остается делать тем, кто это понял?

Да, драться до конца. Все-таки - до конца. Выполняя свой долг. И - достойно умереть.

В этом и состоит призвание трагических героев Максимова...

Когда-то один умный человек с большим добрым сердцем сказал Владу Самсонову, герою автобиографического «Прощания из ниоткуда»: «Я верю, что вам дано больше, чем другим. И в любви, и в ненависти. Если вы начнете ненавидеть, она поработит вас целиком. Но любя, вы сумеете сделать многое»...

Альтер это Влада Самсонова Владимир Максимов приводит эти слова...

А смысл и страсть этого последнего и высшего ее зова можно передать, наверное, удивительными словами, которые великий святой нашего времени старец Силуан услышал в своем сердце от Христа, когда исходил слезами отчаяния, раздвоенный внутренним созерцанием всего того зла, в которое погружен этот мир и человеческая в нем жизнь:

«Держи ум свой во аде и не отчаивайся».

271